

УДК 1:001

© Н. А. Пегин, 2012

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ И ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

Пегин Н. А. – канд. соц. наук, соискатель, e-mail: pegin@mail.ru (ТОГУ)

Статья посвящена анализу возможностей презентации региональных проблем в рамках федерального политического дискурса. На материале дискурса, задаваемого концептом «миграция», показано, как региональные особенности могут быть актуализированы через деконструкцию федерального дискурса. Показано направление, на котором возможно формирование «региональной повестки дня».

The article is devoted to the analysis of presentation capabilities of regional problems in the federal political discourse. Based on the discourse material which is defined by the concept of "migration", it is shown in the article that regional differences can be actualized through the deconstruction of the federal discourse. Also, the direction of eventual formation of "regional agenda" is presented.

Ключевые слова: регион, регионализм, дискурс, деконструкция, региональная повестка, миграция.

В 90-е гг. политические различия в регионах России были не только значимы, но и видимы. Неформальные политические практики здесь начали обретать легальные и формализованные формы презентации [10]. Но в «нулевые» положение изменилось. Официально-легальная реальность российской политики становилась все более гомогенной. «Региональные бароны», олицетворяющие и легализующие местные режимы, сходят со сцены. Неформальные же практики вытесняются из сферы видимого и говоримого. И в 90-е гг. у регионалистики ощущался явный недостаток терминологии. Исследователям, даже наиболее талантливым [2], приходилось использовать сложные метафоры для иллюстрации регионального своеобразия. Видимые различия 90-х сходят на нет, отесняются. Сокращается исследовательское пространство, где региональные исследования могут быть востребованы и профинансированы. По существу, это пространство задается либо местными правительствами (администрациями), либо научными и не очень фондами. В ре-

зультате дискурс региональных исследований начинает усиленно маскироваться под конъюнктуру федерального политического дискурса, на фоне которого «местные особенности» просто утрачиваются, не фиксируются [11]. Не лучше обстоит дело и с исследованиями, финансируемыми фондами. Международные фонды задают достаточно жесткую концептуальную рамку, в которую с большим трудом втискивается «разное» в политическом пространстве. Ведется напряженный поиск ставших или становящихся «институтов гражданского общества» или «проявлений гражданского активизма» [6].

Возникает такой «заколдованный» дискурс, в рамках которого региональное своеобразие просто не может быть «уловлено» [4]. Отсюда и отношение к его констатации в рамках публицистического дискурса как некой риторической фигуре, не несущей никакого рационального содержания. Лишь в самые последние даже не годы, но месяцы, региональная проблематика всплыла в связи с выборами в Государственную Думу и протестами по поводу результатов выборов. И результаты выборов, и реакция на них по регионам оказались столь разными, что вновь актуализировали поиски языка описания этих различий. Причем языка, который позволил бы не только описать уникальный казус, но и сравнить его с иными, столь же уникальными, вывести, если угодно, «теоретическую модель» особенности российских регионов, столь явно ощущаемую, но столь же слабо поддающуюся анализу [7]. Направлением, где возможно, на наш взгляд, построить такую модель, выступает дискурс-анализ. Особенно дискурс, связанный с концептом «миграция».

Миграционный дискурс сегодня вновь оказывается в центре не только исследований, но и общественных дискуссий, ведущихся и на периферии страны, и в ее центре [3]. При этом показательно, что под мигрантами понимаются разные группы в зависимости от региона, да и проблемы, которые фиксируются в рамках концепта «миграция», предельно различны. Если для центрального региона это проблема «незаконной миграции» и «этнической преступности», то для Дальнего Востока – это отток местного населения и замещение его иностранными работниками, да и не только работниками. Особенно острой эта дискуссия становится на Дальневосточных землях России, из «кухонных разговоров» и академических проектов все более выплескиваясь в публичную сферу. Причина проста: местное население, как в начале 90-х гг., вновь начинает активно мигрировать из региона. Причины «нового исхода» лежат за пределами нашего рассмотрения, но сам факт его фиксируется уже и официальной статистикой¹. Образующиеся ниши заполняют выходцы из других стран, с иной культурой. При всем том, что сама необходимость присутствия в регионе этих людей уже никем всерьез не оспаривается, осознание этого наличия как проблемы остается. При этом в разных слоях общества эта проблема осознается различно. Общая динамика взглядов: от

¹ См. «Социально-экономическое положение России» с января 2009 по март 2010 гг.

острого переживания оттока населения из региона как жизненной катастрофы до восприятия явления в качестве непреложной данности [9].

Пожалуй, наиболее ярко сама проблема и ее трансформация в различных социальных слоях проявляется в Еврейской автономной области. В силу малой территории и слабой заселенности, а также отсутствия значительных промышленных центров областное сообщество здесь отличалось до самого недавнего времени достаточно устойчивыми связями, отчасти воспроизводящими архаические общинные отношения [1]. Наличие компактной массы трудовых мигрантов (почти 90 % из них составляют граждане КНР) серьезно деструктурирует эти отношения. Это и делает переживание проблемы особенно острым, а значит, фиксируемым. Именно это и предопределило географические рамки описания

Эмпирическим материалом выступают три серии неформализованных интервью, собранных С. А. Соловченковым, С. В. Мищук и автором этих строк в 2008–2010 гг. Общее число интервью – 27². Общим моментом во всех интервью выступает признание необходимости привлечения китайских рабочих в область. Этот момент прослеживается в подавляющем большинстве интервью (в 25 из 27 интервью). Без привлечения китайских рабочих, по мнению респондентов, остановится строительство, лесозаготовка, возникнут проблемы в сельском хозяйстве и в службах ЖКХ. По словам респондентов, китайские рабочие трудолюбивы и непритязательны. В рамках «федерального (общего) дискурса» задается и необходимость мигрантов, и их роль в экономике. С точки зрения представителей региональной власти напряжение на рынке труда области в связи с появлением китайских рабочих не возникает [8]. Во-первых, их слишком мало для того, чтобы влиять на рынок труда. Во-вторых, они заполняют ниши, в которые граждане России не особенно стремятся.

Несколько иную тональность имеют интервью тех работников администрации, которые связаны с «социальным» и «экологическим» блоками. В этом случае на официальный миграционный текст накладывались иные типы текстов, в определенной степени деконструируя их. Собственно, подобная «техника деконструкции» и является для официального лица единственным способом артикуляции местных интересов без риска выйти за пределы предписанного. Здесь тоже признавались исключительные качества китайских рабочих, которые соглашались работать до 18 часов в сутки, крайне непри-

² По социальному составу респонденты делились на несколько групп. В группу «власть» (в основном экспертные интервью) входили представители регионального правительства, работники миграционной службы, муниципальные служащие (7 интервью). В группу «бизнес» – руководители предприятий, использующих иностранных работников (всего 8 интервью). В трех интервью сами предприниматели использовали иностранных работников в незначительной степени. Зато эти ресурсы активно использовали их конкуренты. Оставшиеся интервью проведены с работниками тех сфер, где наиболее активно используются рабочие-мигранты («сообщество»).

хотливы в отношении к бытовым условиям. Но область «негатива» в этих интервью была намного шире. Граждане России в описании этих респондентов не выдерживают конкуренции с китайскими рабочими и вытесняются из тех секторов, в которых работают китайцы. Соотношение 25 % китайцев к 75 % соотечественников выдерживается, по их словам, только «на бумаге». Реально же китайцы занимают более 80 % вакансий на этом рынке.

Более того, вытеснив из данных сфер (строительство, сельское хозяйство, лесозаготовки) российских работников, китайцы постепенно начинают вытеснять и своих «хозяев». Через систему кредитов, инвестиций и заказов китайские предприниматели сначала становятся совладельцами, а потом и реальными собственниками предприятий с преобладанием рабочих-китайцев. При этом они остаются добросовестными налогоплательщиками. Формальных оснований для приостановки деятельности их предприятий нет. Однако социальное напряжение в районах, где преобладают такие фирмы, стремительно возрастает. Вытесняются уже не только работники, но и инженерный корпус, менеджмент.

Есть, по мнению респондентов, и прямая угроза экономической безопасности страны. Эти фирмы с потребностей рынка ЕАО и Дальнего Востока практически сразу переориентируются на рынок северных районов КНР. Тем самым территория ЕАО втягивается в экономическое пространство сопредельного государства, «отрываясь» от экономического пространства Дальнего Востока и России. Область же, выигрывая в краткосрочной перспективе, «проигрывает будущее». Еще более категоричны «экологи». С их точки зрения, китайские предприятия наносят непоправимый вред природному комплексу области. Данную ситуацию эксперты обозначают как «уничтожают все вокруг», «если человек временный, то он так и относится к территории». Основной причиной в сложившейся ситуации эксперты называют отсутствие нормативной базы (федерального уровня), позволяющей регулировать вопросы природопользования иностранными рабочими и применять при необходимости штрафные санкции.

Другая тональность прослеживается в интервью с предпринимателями. С их точки зрения, и этот момент есть во всех интервью, обойтись без китайских рабочих сегодня область не может. «Где я возьму людей на стройку? Рожу? Их просто нет. Если завтра китайцы снимутся, то строительство всего остановится. Просто станет. Понимаешь?» (предприниматель, 58 лет, образование высшее). Предприниматели не отрицали, что они охотнее возьмут на работу китайца, чем соотечественника. В качестве мотива, диктующего такое решение, назывались не только позитивные качества китайских работников, но и негативные стороны работников из ЕАО. По мнению предпринимателей, местные работники намного менее эффективны, чем китайские. Однако и с китайскими рабочими, по мнению предпринимателей, существуют проблемы. Правда, эти проблемы скорее связаны с получением разрешения на ввоз китайских работников. «Есть два способа получить квоту на ввоз китайцев. Один – убедить чиновника, что таких работников, как мне

нужны, у нас в «еврейке» нет. Здесь будет много проблем. Начнут твердить, что такие работники есть, что целое ПТУ таких готовит. То, что мне такие не нужны, что они работать не умеют, никому не объяснишь. Есть работник – значит, китайца не завезешь. Есть вариант проще – дать взятку» (предприниматель, 41 год, образование высшее). Вполне понятно, что большая часть опрошенных предпринимателей предпочитала второй вариант. При этом подобная операция воспринималась именно как форма «совершенствования» наличного законодательства. Местные работники при этом однозначно оценивались, как «негодные». А китайцы как «спасители» и бизнеса, и экономики области в целом. Однако при интервью с предпринимателями, не использующими китайских работников, обнаружилось несколько «нестандартных схем», функционирующих на этом рынке.

Во-первых, квота на завоз иностранных (китайских) рабочих, полученная за взятку, достаточно слабо связана с реальной потребностью. Соответственно, при наличии тесных контактов с лицами, ответственными за выдачу квот, возникала возможность «торговли китайскими рабочими». «Лишние» работники небезвозмездно переходили к другим работодателям. При этом используется форма «устного найма». Иными словами, сам факт работы на ином предприятии нигде не фиксируется. В одном из интервью отмечается, что существуют «предприятия», специализирующиеся только на этом виде деятельности. Последние не берут взятку напрямую, но создают благоприятный режим получения квот для конкретного предприятия. Остальные предприятия области, нуждающиеся в иностранной рабочей силе, вынуждены «идти на поклон» к привилегированному предприятию.

Китайские рабочие в этих условиях оказываются «подарком» для работодателя. Они не фиксируются (не всегда фиксируются) в официальной отчетности. Соответственно, избавляют предпринимателя от необходимости платить НДФЛ, социальные выплаты. Даже если заработная плата китайского работника в этих условиях оказывается равной зарплате гражданина России, для работодателя он оказывается выгоднее. Зачастую, будучи оформленным на одну зарплату, китайский работник на руки получает другую. В зависимости от соотношения номинальной и реальной зарплаты это может быть и формой уклонения от налогов, и способом увеличения собственной зарплаты.

Однако высказывалась и иная трактовка ситуации [5]. Причем именно она была распространена и среди властных лиц, и среди работодателей. Получение квот, по сути, является не столько экономическим, сколько политическим жестом. В зависимости от политической конъюнктуры квоты могут быть уменьшены или увеличены. Соответственно, предприниматели (работодатели), заинтересованные в обеспечении производства рабочей силой, предпочитают «просить рабочих впрок» в расчете на то, что «дадут меньше». В условиях, когда запрос выполняется в полном объеме, на предприятии «повисают» лишние работники. Здесь и возникают все описанные выше коллизии.

Не все гладко обстоит и с высокими деловыми качествами китайских работников. В ряде интервью отмечалось, что китайские работники выгоднее

работодателям и администрации в ином отношении. Наличие иностранных рабочих существенно снижает социальную нагрузку на предприятия и местные власти. В отличие от соотечественников, большая часть китайских рабочих не ориентирована на долговременное проживание. Во всяком случае, до самого недавнего времени. Соответственно, они не нуждаются в детских садах, школах, в минимальной степени используют больницы и т. д. Социальные выплаты и налоги в условиях устного найма у китайских работников намного меньше.

Местные работники, местные жители, включенные в формальные институты и неформальные связи, гораздо сильнее «нагружают» и социальную инфраструктуру, и предприятия. При этом в профессиональном отношении они не хуже своих иностранных коллег. Однако для того, чтобы использовать «китайский ресурс», необходимо обосновать обратное. Так и формируется дискурс о тотальном пьянстве и профнепригодности жителей ЕАО. С помощью этого дискурса, ставшего чем-то само собой разумеющимся, местные работники, по существу, вытесняются из определенных сфер занятости. С помощью этого дискурса обосновываются квоты на ввоз иностранных рабочих, приоритет китайских работников перед местными и т. д. В интервью, взятых у местных жителей, проживающих в сельской местности и связанных с сельским хозяйством, этот мотив прослеживается совершенно отчетливо.

«Китайцы вытесняют нас. И всем плевать. Они всем удобны. Пашут, как муравьи, и ничего им не надо. В вагончике набьется тридцать штук, и нормально. Посмотри, в поле ни одного нашего не увидишь. Только китайцы. Мы, говорят, бухаем только. Ага. Им так удобно говорить» (житель Смидовичского района ЕАО, образование среднее, 48 лет).

Заметим, что в условиях крайне узкого рынка труда сельскохозяйственной области столкновение между местными и приезжими кажется почти неизбежным. Однако ни один из респондентов не упомянул об открытых конфликтах между местным населением и приезжими рабочими из сопредельного Китая. С другой стороны, взаимоотношения с приезжими из «безвизовых» стран СНГ достаточно часто порождает конфликтные ситуации и на бытовой, и на экономической почве.

Причина, на наш взгляд, состоит в том, что приезжие из Центральной Азии и Закавказья вливаются в существующую структуру, начинают жестко конкурировать с местным населением не только на низовом уровне (за рабочие места низкой квалификации и уровня оплаты), но и на уровне менеджмента, административного руководства. Наличие жестких неформальных связей и использование полукриминальных систем «налаживания отношений» делает их вполне конкурентоспособными в отношении с местными жителями. Жесткость конкуренции задает и напряженность конфликта, выливающегося порой в открытое противостояние. Интересно, что именно эти конфликты, совсем незначительные для области в целом, обсуждаются на официальных совещаниях. По ним «принимаются решения» и «проводится работа». Причина очевидна. Именно эти конфликты четко вписываются в

господствующий тип дискурса. Да и инструменты государства нацелены на борьбу именно с подобными конфликтными ситуациями. Главное – ими можно отчитаться.

Китайцы используют иную социально-экономическую стратегию. Причем, по мнению респондентов, это именно осознанная стратегия, а не случайно сложившийся набор поведенческих стереотипов. При всем том, что никаких враждебных проявлений со стороны китайских мигрантов не наблюдается, во всяком случае, о них никто не говорил, напряженность имеет место. По интервью картина вырисовывается следующая. Сначала прибывают китайские рабочие, которые вытесняют местных работников, ставя, по сути, хозяев предприятий в зависимое положение. После этого появляются китайские бизнесмены, предлагая российским партнерам «рационализацию» производства. В качестве такой «рационализации» предлагается переориентация на китайский рынок и инвестиции со стороны партнера. Предприятие юридически или фактически становится совместным. Китайский партнер занимается производством и сбытом, а его российский коллега обеспечивает контакты с властями и легальную форму существования бизнеса. Создание такой «правовой рамки» – крайне важная функция на предприятии. Но все более важной оказывается функция собственно организатора производства и сбыта. Более того, постепенно функция поддержания «легального тела» предприятия переходит к китайскому партнеру. Предприятие, вне зависимости от правового статуса и формального собственника, становится китайским, ориентированным на китайский рынок и китайскую же рабочую силу.

Еще пессимистичнее местные жители. По их мнению, в области уже сформировалась структура, которая может существовать только с опорой на прилегающие территории Северного Китая. Более того, сфера «применения» китайского бизнеса в области постоянно расширяется. Это уже не только природные ресурсы, строительство и ЖКХ. В 2010 г. было принято правительственное решение об использовании китайских рабочих и сотрудничестве с китайскими предпринимателями в сфере легкой и перерабатывающей промышленности. Иными словами, число «зависимых» областей расширилось, охватив все значимые сферы ЕАО. На вопрос о перспективах области через двадцать лет типичным был следующий ответ: *«Не будет области, к сожалению. Максимум протянет лет 5–8 и станет какой-нибудь Маньчжурией»* (предприниматель, 43 года, образование высшее). Гигантский сосед просто по «законам гравитации» втягивает в себя слабые, малозаселенные районы ДФО. Втягивает отнюдь не политически, ведь тогда социальные обязательства региональной, да и федеральной власти по поддержанию жизнедеятельности территории неизбежно перетекут к китайскому руководству. Но создание параллельной экономики, ориентированной на КНР, создает принципиально иную политическую ситуацию в регионе.

Библиографический список

1. Бляхер Л. Е., Соловченков С. А. Специфика трансформации рынка труда депрессивного региона (на примере Еврейской автономной области) // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 12. – Вып. 1. – 2009.
2. Гельман В. Я. «Столкновение с айсбергом»: Формирование концептов в изучении российской политики // Полис. – 2001. – № 6.
3. Григорьев М., Осинников А. 2009. Нелегальные мигранты в Москве. – М.: «Европа».
4. Замятин Д. и др. Управление образами: Географические образы региональной власти, антитеррористические стратегии и внутренняя политика России // Социологические исследования. – 2006. – № 2.
5. Заусаев В. К. Стратегический план устойчивого социально-экономического развития города Комсомольска-на-Амуре до 2025 г. – Хабаровск, 2009.
6. Кабыткина И. Б. Гражданское общество как источник формирования региональной политической элиты современной России: Дисс. канд. полит. наук. – М., 2005.
7. Калугина Г. В. Местная власть и трансформация дискурса «национальной политики» в постсоветскую эпоху (Случай Иркутска) // Политика. – 2010. – № 2.
8. Мицук С. Н. Совместные предприятия с участием КНР на территории ЕАО // Мат-лы док. науч. семинара, посвященного 350-летию похода Е. П. Хабарова «Российское Приамурье: история и современность». – Хабаровск, 1999.
9. Мотрич Е. Л. Население Дальнего Востока и стран СВА: Современное состояние и перспективы развития // Перспективы Дальневосточного региона: Уселение, миграция, рынки труда. – М.: Гендальф, 1999.
10. Политика и культура в российской провинции / Г. Люхтерханд, С. Рыженков, А. Кузьмин. – СПб.: Летний сад, 2001.
11. Социальная реальность в региональном измерении: Сб. науч. трудов / Под ред. И. Ф. Ярулина. – Тихоокеанский государственный университет. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского государственного университета, 2009.